

О ПЕРВЫХ ОПЫТАХ ПЕРЕНОСА МЕТОДОВ СТРУКТУРНО СЕМИОТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХИТЕКТУРУ (идеи 1960-х – 1970-х годов и проблемы современной науки)

УДК 72.01"19/20"
ББК 85.11в

О.И. Явейн

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу идей и методов структурно-семиотических исследований в архитектуре. Одной из существенных тенденций и линий развития зарубежных архитектуроведческих исследований второго десятилетия нового века стала так называемая «перезагрузка» структуралистской и структурно-семиотической проблематики. Такая «перезагрузка» отчасти связана с развитием методик компьютерного программирования в архитектурном проектировании, но она сопровождается развернутым изучением научных методик и понятий, выдвинутых и разрабатываемых в 1960-е – 1970-е годы. В настоящем исследовании анализируемые источники цитируются и приводятся в списке литературы только по публикациям 1960-х – 1970-х годов. В статье раскрывается специфика семиотического подхода к анализу архитектуры, выделяются свойства архитектурного пространства, являющиеся предметом семиотических исследований, излагаются основные проблемы, поднятые в этих трудах, и намечаются уровни их решения. В работе дается также анализ основных направлений семиотических исследований за рубежом (американской "Проксемики", французского структурализма, штутгартской школы информационной эстетики и др.) и на примере творчества ряда архитекторов (К. Танге, Р. Вентури) показываются пути и приёмы сознательного использования некоторых результатов семиотических исследований в практике проектирования.

Ключевые слова: структура, структурализм, семиотика, семантика, синтактика, прагматика, знак, архитектурное пространство, единица, язык, речь, система

THE FIRST EXPERIMENTS OF TRANSFER OF STRUCTURAL SEMIOTIC RESEARCH METHODS IN ARCHITECTURE (ideas of the 1960s - 1970s and the problems of modern science)

O.I. Yawein

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

This article analyzes the ideas and methods of structural and semiotic studies in architecture. One of the significant trends and lines of development of international architectural research the second decade of the new century was the so-called "structuralism reloaded". This "reloaded" is partly linked to the development of computer programming methods in architectural design, but is accompanied by the expanded study of scientific methods and concepts put forward and developed in the 1960s - 1970s. In the present study analyzed sources cited and listed in the bibliography only the publications of the 1960s - 1970s. Specificity of the semiotic approach to the analysis of architecture, distinguished properties of architectural space, which are the subject of semiotic research, outlines the main issues raised in these proceedings, and outlined the levels of their decision. The paper also provides analysis of the major directions of semiotic studies abroad /US "proxemics", French structuralism, of Stuttgart school information

aesthetics, and others/, And the example of a number of creative architects /K. Tange, R. Venturi / showing the way and methods of conscious use of some results semiotic research in design practice.

Keywords: structure, structuralism, semiotics, semantics, syntactics, pragmatics, sign, architectural space, a unit of language, speech, system

Современная наука характеризуется сближением сфер, традиционно считавшихся весьма отдаленными, что привело к проявлению «гибридных» областей знания. Такое сближения в шестидесятых-семидесятых годах стало своего рода идеологией гуманитарных наук. «Наиболее плодотворные результаты, – писал тогда Ю.М. Лотман, порой приносит именно смелое перенесение в новые области методов исследования, выработанных в других областях науки» [11, с.5].

Системно-структурные и структурно-семиотические методы исследования, возникшие вначале в лингвистике, в первые послевоенные десятилетия все шире используются при изучении многих областей знания, связанных с архитектурой (культуры, моды, пищи, дизайна, изобразительных искусств и т.д.), а с середины 1960-х годов эти методы проникли и в архитектурную науку.

Семиотика – наука о знаковых системах в природе и обществе – предполагает возможность рассмотрения различных объектов с некоторой единой точки зрения¹, она изучает свойства различных объектов культуры² хранить и передавать некоторую информацию. Занимая, подобно кибернетике³, срединное положение среди ряда наук и являясь «совокупностью лишь формальных методов, связанных с анализом знаков» [14, с.43-53], семиотика ни в коем случае не может, да и не стремится заменить другие методы изучения архитектуры. «Семиотика не ставит своей целью подменить изучение действительности семиотическим анализом – писал выдающийся российский лингвист и теоретик структурных исследований И.И. Ревзин, – ибо к этому анализу можно приступить лишь на той ступени, когда знания о действительности представлены в виде некоторого языка; этот язык и служит дальнейшим объектом исследования. Анализу подлежит структура отдельных знаков и знаковых систем» [14, с.43].

По-существу, в схожем направлении развивалась и мысль ведущего архитектора-метаболиста Кендзо Танге, который так говорил о пространстве, как совокупности областей коммуникаций, включающих кроме материальных еще и информационные связи: «**Условием структурирования пространства является в самом широком смысле коммуникация** (выделено мною – О.Я.). Коммуникацией принято считать мобильность, реальное движение предметов или людей. Но даже в тех случаях, когда движение, как таковое, отсутствует, можно говорить о визуальной коммуникации ... Хотя до настоящего момента мы отвлеченно считали пространством место, предназначенное для бытовых или рабочих нужд, мы не можем ограничить понятие пространства лишь этой статической моделью, – в него следует включить такие важные факторы, как подвижность, движение потоков, людей и предметов, визуальную коммуникацию. На этом пути мы сталкиваемся со случаями, когда мы придаем пространству форму, имеющую

¹ По мнению В.В. Иванова и В.Н. Топорова: «одним из очередных свидетельств тенденции к единообразному рассмотрению всех этих областей может служить складывающееся внутри каждой из них понятие «языка» (язык живописи, язык кино, язык музыки, язык архитектуры и т.п.).» См. Иванов В.В., Топоров В.Н. Структурно-типологический подход к семантической интерпретации произведений изобразительного искусства в диахроническом аспекте / Труды по знаковым системам, 8. Уч. зап. ТГУ, вып. 411. – Тарту : 1977. – С. 103-120.

² Понятие «культура» употребляется как единство материального бытия и общественного сознания в определенный исторический период.

³ Об их связи, взаимодополняющем характере о кибернетической семиотике. Степанов Ю.С. Семиотика. – М. : Наука, 1971. – С. 3, 26.

символическое значение ... Мы уверены в необходимости пересмотреть наши взгляды и ввести понятие пространства как коммуникационного поля» [17, с.132-133].

Таким образом, семиотический подход с самого начала не претендовал (как утверждают его критики) на замену существующих знаний об архитектуре, а стремился к расширению существующего знания о нем и ставил своей целью с помощью совокупности формальных методов, связанных с анализом, изучить одну из малоисследованных надстроечных функций архитектурного пространства, а именно его способность хранить и передавать некоторую информацию.

Излагая «принцип существенности» как основу семиотического поиска, видный французский семиолог-структуралист Роллан Барт (кроме литературы он занимался изучением моды, дизайна, градостроительства) писал: «Исследователь принимает решение описывать предстоящие ему факты лишь **с одной точки зрения**; следовательно, он будет фиксировать в этой разнообразной массе фактов только те черты, которые важны с данной точки зрения (исключив все остальные)... Значение этих факторов (экономических, физических, социологических и т.д. – О.Я.), каждый из которых связан с иной, несемиологической существенностью, не отрицается, но сами они должны быть рассмотрены в терминах семиологии, то есть под углом зрения их «функции в знаковой системе» [1, с.118].

Использование методов семиотического анализа в архитектуре сопряжено с рядом трудностей, относящихся не только к процессу самого исследования, но и к восприятию описаний его хода и результатов архитектором, не знакомым с принятой в семиологии терминологией. Трудности эти обычны для тех случаев, когда принципы исследования вместе со своей специфической терминологией, новыми понятиями и пр. (в данном случае идущими от лингвистики) распространяются затем на другие области знания. К тому же семиотика, как становящаяся наука, имеет множество различных школ (см. об этом [1, 6, 14]), возникших зачастую независимо друг от друга, пользующихся неоднородной терминологией, различной методикой проведения исследований и пр.⁴

Различные семиотические направления нашли далеко не одинаковое применение в архитектурной науке, а многие крупные школы семиотики не имели своих «архитектурных реплик». Правда, две основные ветви науки о знаковых системах, – основанная Ф. де Соссюром семиология (на неё ориентируется большинство авторов, рассматриваемых здесь работ), и идущая от Ч. Пирса и Ч. Морриса семиотика (например, посвященные дизайну работы М. Бензе) – всегда оказывали значительное влияние друг на друга, так что с известной степенью огрубления можно говорить о тенденции к их слиянию. Поэтому в данной работе мы рассматриваем только наиболее общие, принципиальные для семиотики⁵ положения, причем ориентируемся главным образом на те из них, которые получили применение при изучении архитектуры.

Семантика – синтактика – прагматика

Лежащие в основе семиотики три аспекта [7, 25] знаковых систем: **семантический** (отношение между знаком и реальностью, которую знак заменяет); **синтаксический** (отношение знаков между собой); **прагматический** (отношение между знаком и его потребителем) – в той или иной мере нашли свое отражение в архитектурной науке⁶.

⁴ Существует мнение, что они дополняют друг друга, являясь как бы различными гранями (иногда противоположными) одной науки. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 301 с.

⁵ В данной работе термины "семиотика" и "семиология" употребляются как синонимы.

⁶ Впервые эти аспекты были выделены Ч. Моррисом и легли затем в основу семиотической теории.

Семантический анализ, выявляющий конкретное смысловое содержание того или иного архитектурного пространства, раскрывает информацию, которая была «закодирована» в структуре архитектурного пространства как в процессе создания архитектурных сооружений, так и возникла после в результате физических, социально-культурных и идеологических «наслоений» и искажений. При этом семантический анализ выявляет причины и источники коммуникативности архитектуры. Изучение семантической функции архитектурного пространства велось в разных направлениях.

В самых разнообразных трудах можно встретить ценные наблюдения о семантике архитектурных пространств; особенно много данных собрано по народному жилищу [10], японскому дому [15], средневековой архитектуре [27], культовой архитектуре [23, 16], зодчеству Азии и доколумбовой Америки [27], а также городскому пространству [1, 2], и т.д. Это уже само по себе говорит о широком интересе, правда, иногда неосознанном, к указанной проблеме и о ее органичности и жизненности. Показательны в этом плане и архитектурные исследования типологического характера (вокзалов, клубов, школ и т.д.), где, как правило, вводятся общие семантические отличительные признаки данного типа архитектурно-пространственной организации.

Несколько иной подход в изучении семантики архитектурного пространства намечен в работах культурологического плана. Авторы этих работ интересовало, прежде всего, то, как семантика пространства начинает активно влиять на его построение⁷. Так, Ю.М. Лотман в статье «Художественный ансамбль как бытовое пространство» [10] анализирует также и иерархии культурной значимости и степеней ценности пространств, предназначенных для государственной, политической и частной жизни в различных культурах.

В работах семиологов изучаются также особенности воздействия на человека знаков различных типов. В частности, в статье «К вопросу о зрительных и слуховых знаках» [20], анализируя свойства зрительно-воспринимаемых объектов (в отличие от слуховых) семантизироваться, один из основоположников структурной семиотики Р. Якобсон писал: «Человек склонен считать зрительным стимулом любой объект, попадающий в поле зрения. Можно отметить широко распространенную склонность интерпретировать различные пятна, сломанные корни и ветки как изображения живых существ, пейзажи или натюрморты, т.е. как произведения изобразительного искусства. Эта врожденная склонность превращать любой зрительный образ в какой-то существующий объект природы приводит к тому, что абстрактные рисунки инстинктивно рассматриваются как загадочные картины и поэтому вызывают наивное раздражение, когда эту мнимую загадку не удается разрешить» [20, с.84]. Склонность человека к семантизации зрительного воспринимаемых объектов постоянно проявляется при восприятии архитектурных сооружений. Показателен в этом плане, например, построенный в конце семидесятых годов прошлого века на Рижском взморье (станция Дубулты) вокзал, главным элементом которого является пологая асимметричная (наклоненная поперек оси) арка. Местные жители и отдыхающие (а также газетные статьи) высказывали различные предположения о том, что она должна изображать или символизировать. Одни говорили, что это морская волна (символ Рижского взморья и Прибалтийских республик), другие – рыба, третьи (статья в газете) – двухпалубный корабль под парусами. Все эти «замыслы» приписывались архитекторам, которые, проектируя железобетонную монолитную арку, специально не программировали возникновения каких-либо конкретных ассоциаций с предметами окружающего мира.

Наконец, особый интерес для архитектурной науки представляет опыт ряда архитекторов, сознательно учитывающих семантическую функцию пространства. Так, в

⁷ См. также анализ семантики пространственной структуры индейских поселений Леви-Стросса в изложении Ф. Шоэ в сборнике Семиология и градостроительство // Современная архитектура. – 1967. – №5. – С. 5

ряде поздних проектов Ле Корбюзье, работах К. Танге, Р. Вентури⁸, открытая семантика не только программно заложена, но и часто специально разъяснена и заявлена ими в теоретических трудах. Это, правда, еще не дает полных гарантий, что все эти значения и символы обязательно привьются и тем более останутся без изменения на длительное время. И если, например, семантика формы крыши в капелле Роншан, идущая от древних культовых палаток, или семантика постоянно закрытой двери дворца Ассамблей в Чандигархе, открывающейся раз в году от прикосновения губернаторской руки, уже установилась, то как в будущем будет восприниматься символика «Городских ворот» и «Городской стены», по мнению К. Танге – двух систем, лежащих в основе новой структуры центра Скопье, пока с абсолютной уверенностью предсказать трудно⁹.

В середине семидесятых годов в ряде работ в качестве наиболее насущной задачи выдвигается исследование тех семантических характеристик, **«...которые не зависят от индивидуального восприятия, в некоторой степени являются нормативными для всего коллектива подобно значению слова в словаре»** [7].

Выявление «нормативных значений», естественно, заставляет жертвовать всей возможной полнотой описания семантики [7]. Весьма содержательно в этом смысле, например, исследование М. Валлиса [27], который на основании изучения множества древних рукописей подробно изучил семантику древних, средневековых, американских (доколумбовского времени), азиатских и др. храмов и дворцов и описал семантику их целостных пространств, отделочных частей, планов, цвета и т.д.

Синтаксический анализ архитектурного пространства, который «определяется внутренними структурными соотношениями единиц», имеет длинную историю своего изолированного существования. Поэтому в этой области накоплен значительный материал. Искусствоведческая традиция в изучении архитектурного пространства, идущая от Г. Вельфлина¹⁰ и в той или иной степени связанная с именами Ригля, Бринкмана, Зедльмайера, Гидиона, Некрасова, и др., исследовала преимущественно синтаксическую структуру.

Из исследований структурно-семиотического цикла, изучающих архитектурное пространство в синтаксическом аспекте, следует отметить работы французской группы «Синтаксис». Ж. Кастекс и Ф. Панере на примере ряда индивидуальных жилых домов, построенных Л. Каном и Р. Вентури, проанализировали синтаксис их пространственной структуры, т.е. выявили, как отдельные элементы пространства организуются в семиотическую систему [8]

Язык – речь

В подходе семиологов к анализу знаковых систем существенную роль играют такие ключевые понятия, как «язык» и «речь». Впервые введенные Ф. де Соссюром на материале естественного языка, они приобрели универсальный характер и затем неоднократно применялись и развивались при изучении различных областей знаний. Понятие «речь» включает все бесконечное многообразие возможных индивидуальных

⁸ Согласно Исодзакэ «В своих сочинениях он (Р. Вентури - О.Я.) истолковывает произведения современной архитектуры и исторических эпох как группы рассортированных слов и располагает их в простой системе значений». См.: Танге К. Направления в современной архитектуре // Архитектура Японии. Традиция и современность. – М.: Прогресс, 1976. – С. 107-112. Семиотический анализ пространственной организации Р. Вентури см.: Кастекс Ж., Панерэ Ф. От Луиса Кана до Роберта Вентури // Современная архитектура. – 1972. – № 5. – С. 88-91.

⁹ О сомнениях по этому поводу самого К. Танге в книге: Танге К. От архитектуры к урбанизму // Архитектура Японии. Традиция и современность. – М.: Прогресс, 1976. – 234 с.

¹⁰ Оценку школы Г. Вельфлина с точки зрения структурно-семиотического подхода см. в издании Иванов В.В., Топоров В.Н. Структурно-типологический подход к семантической интерпретации произведений изобразительного искусства в диахроническом аспекте / Труды по знаковым системам, 8. Уч. зап. ТГУ, вып. 411. – Тарту : 1977. – С. 103-120.

сообщений, практически непредсказуемых и никак не ограниченных, ибо они являются результатом индивидуального творчества. Однако оказалось, что вся эта, по словам Р. Барта, «многоформенность и разнотелность, не поддающаяся на первый взгляд никакой классификации, вместе с тем является реализацией абстрактной системы, которой каждый индивидуум обязан подчиняться, если он хочет быть понятым. Эта система получила название «языка»¹¹. В основе языка лежит: 1) ограниченный (и сравнительно небольшой) набор простейших значащих единиц; 2) конечное число правил, по которым путем сочетания и преобразования элементарных значащих единиц может быть образовано бесконечное число более сложных значений¹².

Во второй половине 1960-х годов эти исследования проникли и в архитектуру. Характерно в этом плане признание К. Танге: «В 1960-е годы я рассматривал пространство, как поле коммуникаций, так как в это время **всплыла** (выделено мною – О.Я.) идея пространства как коммуникационного понятия... Короче говоря, пространства сами по себе воздействовали как слова, передающие людям определенные смысловые значения. Однако и до сих пор эти слова не организованы в систему и используются случайным образом. Райт старался создать пространства, которые могут что-то сказать людям. Почему пространства определенного рода, можно сказать, образуют вещи, включающие логику, я не вполне понимаю, но это происходит в соединении пространств. Я понимаю сообщение, которое несут эти пространства. Пространственные композиции таких людей, как Роберт Вентури, имеют подобный характер» [16, с.109].

В этом же русле находятся работы итальянца У. Эко, чешской исследовательницы И. Лоудовой, французов Р. Барта и Ф. Шоз; отчасти примыкают к этому течению Н.Л. Прак (США), В.Ф. Маркузон и К.Э. Лехари (СССР) и др.

Семиотические исследования на материале архитектуры ведутся разными путями. Наибольшее распространение эти попытки получили в сфере изучения архитектурного пространства. Так, французские исследователи П. Васеф и Ж. Дефоль предложили «Метод анализа пространства» (архитектурного), который является развитием методики (на что сами авторы указали во вступлении), предложенной еще в 1928 г. советским ученым В.Я. Проппом, который показал, что все волшебные сказки состоят из тридцати одного повторяющегося элемента (функции), расположенных в определенном порядке. Методика П. Васефа и Ж. Дефоля положена в основу при проектировании жилищ «бидонвилей» и «переходных» поселков во Франции [28].

Другим путем пошел крупнейший итальянский семиолог-структуралист У. Эко [21, 22]. Анализируя трудности, возникающие при семиотических исследованиях архитектурного пространства, он пришел к выводу о невозможности выделить значащую «единицу архитектурного кода» в сфере пространства и, предпринимая попытку сделать это в области тектонических элементов с тем, чтобы затем изучать пространство (как составной знак), т.е. через их сочетания.

Пути и возможности использования современной теории знаков в теории архитектуры рассмотрены также чешской исследовательницей И. Лоудовой. Ею намечен ряд направлений исследования языка архитектуры. По ее мнению: «Хотя в некоторых случаях «язык» употребляется только метафорически, разделение (на «язык» и «речь» – О.Я.) целесообразно потому, что объясняет отношение архитектурной системы и

¹¹ Подробнее см. об этом в работах, обозначенных в списке литературы под номерами: 1, С. 115; 6; 12; 25.

¹² Элементарных «значений единиц» – т.е., таких, дальнейшее разложение которых уже приводит к утрате ими знаковых функций. Следует отметить, что «значащая единица» в архитектуре отнюдь не обязательно должна буквально совпадать с конструктивно-техническими или функционально-пространственными элементами. Подобные исследования были выполнены (помимо естественных языков и литературных текстов) также на материале моды (Р. Барт), мифов (К.Л. Стросс), культуры (В.В. Иванов, К.Л. Стросс, Ю.М. Лотман), живописи (Л.Ф. Жегин, Б.А. Успенский, М. Шапиро), кинестетике (науке о человеческих позах – Г. Хьюз) и т.п.

индивидуального творческого акта в «результате творческого процесса». «Одной из центральных задач, лежащих в основе теории архитектуры, – пишет И. Лоудова, – поэтому является определение того, чем отличается «язык» архитектуры и как используется «язык» архитектуры определенного исторического периода в развитии архитектуры в каждом индивидуальном творческом акте архитектурной «речи» [25, с.10]. И. Лоудова считает также, что нужно «решить, проблему, какие «синтаксические», «семантические» и «прагматические» правила связывают язык в знаковую систему – например, в стилевую, конструктивную, типологическую и т.д., какова мера сопротивляемости этих «правил», т.е. какую «степень творческой свободы» архитектурная система (имеется в виду знаковая система «язык» – О.Я.) обеспечивает творчеству при создании архитектурного произведения. По ее мнению, «важна и задача, как архитектор использует в процессе творчества «синтаксические», «семантические» и «прагматические» правила, и какие нормы эти правила вводят в архитектурную практику» [25, с.17].

Констатируя несомненный интерес к семиотическим исследованиям архитектурного пространства с использованием разделения на «язык» и на «речь» (в толковании Ф. де Соссюра), следует все же сказать, что задачи и линии исследований были скорее намечены, чем реализованы. Характерно в этом плане признание И. Лоудовой: «В настоящее время перед исследователями стоит актуальная задача: определить – существует один или более «языков» архитектуры и от каких условий зависит их существование» [25, с.3]. Новая волна изучения конкретных архитектурных объектов в этом плане только начинается, сделаны еще первые, достаточно робкие шаги. Однако показательно, что такие попытки предпринимаются.

Синтагма – парадигма (две оси языка)

Семиотика изучает «не просто наборы знаков, а знаковые системы, – писал И.И. Ревзин, – т.е. такие совокупности, в которых из небольшого набора первичных знаков конструируются бесконечное число знаков» [14, с.44]. Такой подход к изучению объектов, обладающих информационным аспектом, диктует два плана их изучения [1, 14]:

1) Систематизация и классификация простейших знаков и их производных, распределение их по категориям, классам и т.п. ***В семиотике эти отношения называются парадигматическими или парадигматической осью языка.*** Исследование парадигм в какой-то степени аналогичны той работе, которую в свое время проделал Менделеев при создании своей периодической системы. В сфере архитектурного пространства примером парадигматики может являться сведение в систему всех возможных вариаций какого-либо пространственного элемента (например, дверного проема, окна и т.д.).

2) Парадигматическим отношениям противостоят синтагматические (или синтагматическая ось языка). Это отношения порядка и соподчинения элементов различных типов в языке. В семиотических исследованиях, посвященных архитектуре, этот вопрос почти не разработан, хотя и поставлен [1].

Синхрония – диахрония

Исследование семиотической структуры архитектурного пространства предполагает, что одновременно оперируют фактами, принадлежащими только к одному определенному, строго ограниченному времени. По словам З. Гидиона, «за последние два тысячелетия каждая эпоха создавала свою собственную форму свода: так, римская, византийская, романская, готическая, ренессанс, барокко создали каждая специфическую форму свода, которая стала почти символом своего времени»¹³. При этом, скажем, в древних деспотиях «на своды не падал свет; они символизировали мрак, таинственность материнское лоно

¹³ З. Гидион. Пространство время архитектура. М. : Стройиздат, 1975. – С. 26.

земли»¹⁴. В христианской же архитектуре средневековья, согласно М. Валлису и другим авторам, форма свода и особенно купола устойчиво символизирует небесный свод [27]. Но ни одно из этих значений не применимо (во всяком случае полностью) за пределами определённого времени и определённой культурной традиции. Таким образом, изучение символики купольных систем теряет смысл, если одновременно берутся значения, характерные для разных культур или разных периодов развития одной культуры. Поэтому семиотический анализ в принципе дается как бы в (застывшем), исторически конкретном одновременном синхронном срезе. Только в этом случае оказывается возможным точно установить структуру описываемого объекта. Процесс же развития (диахрония) не поддается (по крайней мере так считалось тогда) методике точного семиотического исследования и может быть представлен как цепь синхроний¹⁵.

Это положение принципиально для структурной семиотики. В каждом отдельном случае семиолога в первую очередь интересует исторически-конкретное состояние изучаемой знаковой системы (ее структура), а не причины к нему приведшие. Ф. де Соссюр сравнивал семиолога, изучающего язык, с шахматистом, разбирающим позицию отложенной партии, – ему безразлично (для анализа существующих возможностей), каким путем эта позиция установилась.

Так, например, М. Валлис, изучая семантику древних культовых сооружений, описывал средневековый христианский храм как модель вселенной (в средневековом представлении). При этом восточная часть храма (с главным алтарем) и венчающий свод представляют собой небо (рай); «внутренняя часть – землю, которая, согласно византийской космологии, мыслилась заключенной в четырех стенах; западная часть – район темноты, горя и смерти, место, где умершие ожидают воскрешения и последнего суда» [27, с.228] и т. п. Однако при этом автор отмечал, что все это отнюдь не значит, что именно символика храма определяла его архитектурную форму; это только означает, что в средневековый исторический период, храмы, кроме своих других функций, еще и являлись пространственной моделью определенного мировоззрения.

Штутгартская школа «информационной эстетики»

Перечисленные выше методологические посылки с известной долей огрубления можно считать общими для большинства направлений семиотики и семиологии, получивших применение в изучении архитектурного пространства. Однако следует выделить еще по крайней мере два направления, стоящие несколько особняком и при этом с самого своего зарождения (в отличие от описываемых ранее), непосредственно связанных с изучением архитектуры и дизайна. Это штутгартская школа «информационной эстетики» и американская «проксемика». Влияние штутгартской школы уже в семидесятые годы прошлого века распространилось за пределы западной Германии и охватило уже не только дизайн, но и архитектуру, о чем свидетельствует публикации статей лидеров и последователей этой школы в архитектурных журналах Франции, Италии, ГДР.

О теоретических и методологических основах школы «информационной эстетики» легче всего судить по программным работам ее основоположника и крупнейшего представителя М. Бензе. В рамках «информационной эстетики» исследуется одна из сторон коммуникативного акта – та, которая изучает отношение знака к потребителю (по терминологии семиологов – прагматика). При этом упор делается на изучение упорядоченности сообщения (или синтаксиса – по терминологии семиотики). Целью исследований этого направления является построение так называемой «численной эстетики», призванной внести измеримость в индивидуальное суждение о ценности

¹⁴ Там же. – с. 23.

¹⁵ Модель процесса развития, таким образом, может быть выполнена только тогда, когда в распоряжении исследователя уже имеются результаты изучения его отдельных стадий. Подробнее об этом см. в трудах Апресяна, Грецкого, Барта.

произведений искусства, в частности, математически определить меру эстетического в художественных произведениях¹⁶.

«Мы должны, – пишет М.Бензе, – математизировать те понятия, которые являются решающими для оценки искусства, т.е. такие, например, понятия как «красивый», «некрасивый», «безобразный» и т.п.... Мы отражаем в математических и числовых значениях не только мир физических состояний; современная техника статической и численной эстетики в состоянии отразить мир искусства, мир художественных творений, мир эстетических состояний в системе подобных числовых значений» [3, с.214]. Поиски штутгартской школы в какой-то мере перекликаются, а иногда и прямо опираются на экспериментальные данные сторонников «эстетических измерений и предпочтений», в настоящее время широко представленных учеными всех стран (Ф. Баррон, Ч. Биркгоф, Айзенк и др.), часто и не объединенными единой школой. При частных отклонениях и даже серьезных расхождениях, эти ученые пытаются на основе широких экспериментальных исследований выявить, как меняются эстетические предпочтения сложности и простоты, симметрии и асимметрии в зависимости от возраста, образования, специальной художественной подготовки, а иногда индивидуальной особенности мышления человека и на основе этих данных математически точно определить эстетическую меру.

Признавая невозможность однозначной оценки новой и быстро развивающейся области «искусствометрии», научную неравнозначность работ, выполненных в русле этого течения, наконец, разную одаренность тех или иных авторов, ряд исследователей тем не менее подвергли критике многие исходные положения этой школы и, прежде всего, их механический, внеисторичный подход к явлениям искусства. При этом отмечалось, что ученые этой школы приходят к «несколько обескураживающим результатам» [11]: их данные подчас прямо противоречат друг другу. Так, опираясь на получившую наибольшую известность формулу эстетической меры Биргофа (ее, в частности, использует и Бензе при анализе архитектуры и дизайна), одни ученые подтверждают выводы Биргофа, другие корректируют их, третьи – приходят к противоположным результатам¹⁷. Такая противоречивость результатов, по мнению Ю.М. Лотмана, кроется, прежде всего, в том, что исследователи этой школы не учитывают, что содержание самих исходных понятий «организованность», «простота» и их оппозиций («неорганизованность», «сложность» и т.д.) подвержено изменению, а в различных культурах оно даже прямо противоположно друг другу. Поэтому статический и математический анализ должен опираться на изучение ценностных ориентаций, характерных для каждой культуры.

Заключение

Стремление использовать новые методы исследования всегда сопряжено с рядом трудностей. В результате их применение вызывает у одних полное их отрицание, у других – чрезмерное увлечение. Так случилось и с семиотическим анализом архитектуры. Столь сложное отношение к семиотическому анализу архитектуры в целом, видимо, вызвано рядом причин. Но немаловажное значение имел и тот факт, что не все работы, выполненные в этом русле, и не все критические замечания основываются на достаточно серьезном знании основных принципов методов, приемов и терминов семиотики. Определенную роль в дискредитации семиологического подхода к анализу архитектуры сыграли и примеры механического перенесения на архитектуру многих принципов семиологии, разработанных на совершенно ином материале, и чрезмерное увлечение лингвистической терминологией. При исследовании архитектурного пространства знание

¹⁶ С этой целью систематизируются результаты многочисленных опросов, экспериментов, фиксирующих реакцию испытуемых на различные произведения искусства и т.д. Результаты обрабатываются с помощью детально разработанного математического аппарата, включая разработку программ для вычислительных машин.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Семиотика и искусствометрия: Сб. переводов / Под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова. — М. : Мир, 1972. — 368 с.

семиологических терминов и приемов анализа должно учитывать специфику архитектуры, которая организует материально-утилитарную и духовную жизнь общества и является, прежде всего, миром вещей, а потом уже знаков. Успех разворачивающихся сегодня в архитектуре структуралистских исследований «новой волны» будет во многом зависеть от того, насколько полно будет проанализирован обширный исследовательский опыт основоположников этого научного направления в архитектуре.

Литература

1. Барт, Р. Основы семиологии // В сб. переводов: Структурализм за и против / Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С.114–163.
2. Барт, Р. Семиология и градостроительство / Р. Барт // Современная архитектура. – 1971. – №1. – С. 7–10.
3. Бензе, М. Введение в информационную эстетику // В сб. переводов: Семиотика и искусствометрия / Под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова. – М. : Мир, 1972. – С. 198 – 215.
4. Валлис, А. Социальный смысл архитектурной формы / А. Валлис // Декоративное искусство СССР. – 1973. – №8. – С. 21-25.
5. Вершуэр, П. Введение в пространственность / П. Вершуэр // Современная архитектура. – 1971. – №3. – С.9-16.
6. Грецкий, М.Н. Французский структурализм / М.Н. Грецкий. – М. : Знание, 1971. – 48 с.
7. Иванов, В.В. Структурно-типологический подход к семантической интерпретации произведений изобразительного искусства в диахроническом аспекте / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Труды по знаковым системам, № 8. Уч.зап. ТГУ, вып. 411. – Тарту, 1977. – С. 103-120.
8. Кастекс, Ж. От Луиса Кана до Роберта Вентури / Ж.Кастекс, Ф.Панерэ // Современная архитектура. – 1972. – № 5. – С. 88-91.
9. Левинсон, А.Г. Традиционные ценностные системы и город / А.Г. Левинсон // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. – М. : Советский фонд Мира, 1970. – С. 149-164.
10. Лотман, Ю.М. Художественный ансамбль как бытовое пространство / Ю.М. Лотман // Декоративное искусство. – 1974. – №4. – С.48-51.
11. Лотман, Ю.М. Искусствознание и "точные методы" в современных зарубежных исследованиях // В сб. переводов: Семиотика и искусствометрия / Под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова. – М. : Мир, 1972. – С. 63-73.
12. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
13. Маркузон, В.Ф. Семантика и развитие языка архитектуры / В.Ф. Маркузон // Архитектурная композиция: Современные проблемы. – М., 1970. – С. 44-49.
14. Ревзин, И.И. От структурной лингвистики к семиотике / И.И. Ревзин // Вопросы философии. – 1964. – №9. – С. 43-53.

15. Танге, К. Исе – прототип японской архитектуры / К. Танге // Архитектура Японии. Традиция и современность. – М. : Прогресс, 1976. – С. 22-40.
16. Танге, К. Направления в современной архитектуре / К. Танге // Архитектура Японии. Традиция и современность. – М. : Прогресс, 1976. – С. 107-112.
17. Танге, К. От архитектуры к урбанизму / К. Танге // Архитектура Японии. Традиция и современность. – М. : Прогресс, 1976. – С. 113-161.
18. Шоэ, Ф. Заметки по поводу городской семиологии / Ф. Шоэ // Современная архитектура. – 1971. – №1. – С. 5-6.
19. Шоэ, Ф. Семиология и градостроительство / Ф. Шоэ // Современная архитектура. — 1967. – №5. – С. 11-14.
20. Якобсон, Р. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // В сб. переводов: Семиотика и искусствометрия / Под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова. – М. : Мир, 1972. – С. 82 - 87.
21. Eco, U. A Componental Analysis of the Architectural Sign (Column) / U. Eco // Semiotica. – №2. – N-Y.: Monton & Co, The Hague, 1972. – S. 97-117.
22. Eco, U. La struttura accente / U. Eco. – Milano, 1969. – 364 s.
23. Hall, E. T. The Hidden Dimension / E. Hall. – Garden City, N.Y., Doubleday, 1966. – 85 s.
24. Hall, E.T. The language of space // Journal of the American Institute of Architects, February. – 1961. – S. 35-74.
25. Loudova, J. Semiotica i Arhitektura. / J. Loudova / пер. ЦНТИ // Arhitektura (CSR). – 1973. – V. 32. – №3. – 28 s. (Архив О.И. Явейна).
26. Sommer, Robert. Personal Space. The Behavioral Basis of Design / Robert Sommer. – Englewood Cliffs, N. J. – 1969. – 176 s.
27. Wallis, M. Semantic and Symbolic Elements in Architecture: Iconology as a First Step Towards an Architectural Semiotic // Semiotica. – 1973. – № 8.3. – S. 220-238.
28. Wassel, P., Depaul, S. Метод анализа пространства / пер. ЦНТИ. // Architecture Mouvement continue. – 1974. – III. – №33. – 24 s. (Архив О.И. Явейна).

References

1. Bart R. *Osnovy semiologii* [Bases of semiology]. Moscow, 1975, pp. 114–163.
2. Bart R. *Semiologija i gradostroitel'stvo. Sovremennaja arhitektura* [Semiology and urbanism. The modern architecture]. Moscow, 1971, no.1, pp. 7–10.
3. Benze M. *Vvedenie v informacionnuju jestetiku. Semiotika i iskusstvometrija* [Introduction to information aesthetics. Semiotics and accustomedly]. Moscow, 1972, pp. 198–215.
4. Vallis A. *Social'nyj smysl arhitekturnoj formy. Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [The social meaning of architectural forms. Decorative arts of the USSR]. Moscow, 1973, no. 8, pp. 21-25.

5. Vershujer P. *Vvedenie v prostranstvennost'. Sovremennaja arhitektura* [Introduction to spatiality. Modern architecture] Moscow, 1971, no. 3, pp.9-16.
6. Greckij M.N. *Francuzskij strukturalizm* [French structuralism]. Moscow, 1971, 48 p.
7. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Strukturno-tipologicheskij podhod k semanticheskoj interpretacii proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva v diahronicheskom aspekte. Trudy po znakovym sistemam* [Structural-typological approach to semantic interpretation of works of art in diachronic aspect. Works on sign systems]. Tartu, 1977, no. 8, V. 411, pp. 103-120.
8. Kasteks Zh. *Ot Luisa Kana do Roberta Ventur. Sovremennaja arhitektura* [From Louis Kahn to Robert Venturi. Modern architecture]. Moscow, 1972, no. 5, pp. 88-91.
9. Levinson A.G. *Tradicionnye cennostnye sistemy i gorod. Urbanizacija i rabochij klass v uslovijah nauchno-tehnicheskoi revoljucii* [Traditional value systems and the city. Urbanization and the working class in the conditions of scientific-technical revolution]. Moscow, 1970, pp. 149–164.
10. Lotman Ju.M. *Hudozhestvennyj ansambl' kak bytovoe prostranstvo. Dekorativnoe iskusstvo* [Art ensemble of domestic space. Decorative art]. Moscow, 1974, no. 4, pp. 48-51.
11. Lotman Ju.M. *Iskusstvoznanie i "tochnye metody" v sovremennyh zarubezhnyh issledovanijah. Semiotika i iskusstvometrija* [Art history and the "exact methods" in modern foreign studies]. Moscow, 1972, pp. 63-73.
12. Lotman Ju.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow, 1970, 384 p.
13. Markuzon V.F. *Semantika i razvitie jazyka arhitektury. Arhitekturnaja kompozicija: Sovremennye problemy* [Semantics and development of language of architecture. Architectural composition: current issues]. Moscow, 1970, pp. 44-49.
14. Revzin I.I. *Ot strukturnoj lingvistiki k semiotike. Voprosy filosofii* [From structural linguistics to semiotics. The problems of philosophy]. Moscow, 1964, no. 9, pp. 43-53.
15. Tange K. *Iseprototip japonskoj arhitektury. Arhitektura Japonii. Tradicija i sovremennost'* [Ise – prototype of Japanese architecture. The Architecture of Japan. Tradition and modernity]. Moscow, 1976, pp. 22-40.
16. Tange K. *Napravlenija v sovremennoj arhitekture. Arhitektura Japonii. Tradicija i sovremennost'* [Directions in modern architecture. The Architecture of Japan. Tradition and modernity]. Moscow, 1976, pp. 107-112.
17. Tange K. *Ot arhitektury k urbanizmu. Arhitektura Japonii. Tradicija i sovremennost'* [From architecture to urbanism. The Architecture of Japan. Tradition and modernity]. Moscow, 1976, pp. 113-161.
18. Shoje F. *Zametki po povodu gorodskoj semiologii. Sovremennaja arhitektura* [Notes about the city of symptomatology. Modern architecture]. Moscow, 1971, no. 1, pp. 5-6.
19. Shoje F. *Semiologija i gradostroitel'stvo. Sovremennaja arhitektura* [Semiology and urbanism. Modern architecture]. Moscow, 1967, no. 5, pp. 11-14.
20. Jakobson R. *K voprosu o zritel'nyh i sluhovyh znakah. Semiotika i iskusstvometrija* [The question of visual and auditory signs. Semiotics and accustomedly]. Moscow, 1972, pp. 82 - 87.

21. Eco U. A Componental Analysis of the Architectural Sign (Column). Semiotica, no. 2, N-Y.: Monton & Co, The Hague, 1972, pp. 97-117.
22. Eco U. La struttura acceute. Milano, 1969, 364 p.
23. Hall E. T. The Hidden Dimension, Garden City, N.Y., Doubleday, 1966, 85 p.
24. Hall E.T. The language of space, Journal of the American Institute of Architects, February, 1961, pp. 35-74.
25. Loudova J. Semiotica i Architektura, Architektura (CSR), 1973, Vol. 32, no. 3, 28 p.
26. Sommer Robert. Personal Space, The Behavioral Basis of Design, Englewood Cliffs, N. J., 1969, 176 p.
27. Wallis M. Semantic and Symbolic Elements in Architecture: Iconology as a First Step Towards an Architectural Semiotic, Semiotica, 1973, no. 8.3, pp. 220-238.
28. Wassel P., Depaul S. The method of analysis space, Architecture Mouvement continuite, 1974, V. III, no. 33, 24 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Явейн Олег Игоревич

Кандидат архитектуры, профессор, кафедра Советской и современной зарубежной архитектуры, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: yawein@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yavein Oleg Igorevich

PhD in Architecture, Professor Chair of Soviet Architecture and Foreign Contemporary of Architecture, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: yawein@mail.ru